ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ,

ИЛИ

РУССКІЕ ВЪ 1612 ГОДУ.

Часть первая.

Соч. М. Н. Загоскина.

МОСКВА.
Въ Типографіи Н. Степанова.
При Императорскомъ Театрѣ.
1829.

Елизавета Иванова.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва. 1829 года, Іюля 19 дня. Цензоръ и Кавалеръ

Иванъ Снегиревъ.

ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ

ИЛИ

РУСКІЕ ВЪ 1612 ГОДУ.

Часть I.

Рис. В. Барановъ. Гра: Е. Скотниковъ.

МОСКВА.

ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ.

ГЛАВА I.

Никогда Россія не была въ столь бѣдственномъ положеніи, какъ въ началѣ 17-го столѣтія; внѣшніе враги, внутренніе раздоры, смуты Бояръ, а болѣе всего совершенное безначаліе — все угрожало неизбѣжной погибелью землѣ Русской. Вѣрный сынъ отечества, Бояринъ, Михайло Борисовичь Шеинъ, не смотря на безпримѣрную свою неустрашимость, не могъ спасти Смоленска. Сей, по тогдашнему времени, *важный своими* укрѣпленіями городъ, былъ уже во власти Польскаго Короля, Сигизмунда, войска котораго, подъ командою Гетмана Жолкѣвскаго, впущенныя измѣною въ Москву, утѣснили несчастныхъ жителей сей древней Столицы.

Наглость, своевольство и жестокости сего буйнаго войска превосходили всякое описаніе (1). Имъ не уступали въ звѣрствѣ многолюдныя полпы разбойниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Запорожскихъ Козаковъ, которые занимали, или лучше сказать, опустошали Черниговъ, Брянскъ, Козельскъ, Вязму, Доргобужъ и многіе другіе города. — Въ недальномъ разстояніи отъ Москвы, стояли войска втораго самозванца, прозваннаго Тушинскимъ Воромъ; на сѣверѣ, Шведскій Генералъ, Понтіусъ де ла Гарди свирѣпствовалъ въ Новѣ-городѣ и Псковѣ; однимъ словомъ, изключая нѣкоторые Низовые города, почти вся земля Русская была во власти непріятелей и одна Сергіевская Лавра, осажденная войсками втораго Самозванца, подъ начальствомъ Гетмана Сапѣги и знаменитаго Налета (*), Пана Лисовска-

(*) Такъ назывались въ то время Партизаны.

го, упорно защищалась; малое число воиновъ, слуги монастырскіе и престарѣлые иноки отстояли святую обитель.—Сей спасительный примѣръ и увѣщательныя грамоты, кои благочестивый Архимандритъ, Діонисій и незабвенный старецъ, Аврамій разсылали повсюду, возбудили наконецъ усыпленный духъ народа Русскаго:—заплились въ сердцахъ искры пламенной любви къ отечеству; всѣ готовы были возстать на супостата, но священныя слова: »умремъ за вѣру православную и святую Русь!«—не раздавались еще на площадяхъ городскихъ; всѣ сердца кипѣли мщеніемъ, но Пожарскій, покрытый ранами, страдалъ на одрѣ болѣзни; а безсмертный Мининъ еще не выступалъ изъ толпы обыкновенныхъ гражданъ.—

Въ сіи-то смутныя времена, въ началѣ Апрѣля 1612-го года, въ одну бурную ночь два всадника медленно пробирались по берегу луговой спо-

роны Волги. Одинъ изъ нихъ, закутанный въ широкій охобень (*), ѣхалъ впереди на борзомъ ворономъ конѣ, и, казалось, совершенно не замѣчалъ, что мятель становилась часъ отъ часу сильнѣе; другой, въ наголь-номъ тулупѣ, сверхъ котораго надѣтъ былъ на распашку кафтанъ изъ толстаго бѣлаго сукна, безпрестанно останавливалъ свою усталую лошадь, прислушивался со вниманіемъ, но не различая ничего, кромѣ однообразнаго свиста бури, съ примѣтнымъ безпокойствомъ озирался на всѣ стороны: — Полегче, Бояринъ! — сказалъ онъ наконецъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ,—твой конь шагистъ, а мой Сѣрко чудь ноги волочитъ.—

Передній всадникъ приостановилъ свою лошадь; а тотъ, который началъ говорить, поровнявшись съ нимъ, продолжалъ:

(*) Верхнее платье, съ длинными рукавами и капишономъ.—

—Прогнѣвили мы Господа Бога, Юрій Дмитричь! Не даетъ намъ весны! Да и впору мы выѣхали! Я говорилъ тебѣ, что будетъ погода. Вчера мы проѣхали верстъ шестьдесятъ, такъ могли бъ сегодня отдохнуть. Вотъ ужъ седьмой день, какъ мы изъ Москвы, а скоро ли доѣдемъ — Богъ вѣсть!—

—Не кручинься, Алексѣй!—отвѣчалъ другой путешественникъ; — завтра мы отдохнемъ вдоволь.—

—Такъ завтра мы доѣдемъ туда, куда послалъ тебя Панъ Гонсѣвской?—

—Я думаю.—

—Дай-то Богъ!... Ну, ну, Сѣрко! ступай!... А что, Бояринъ, назадъ въ Москву мы вернемся, или нѣтъ?—

—Да, и очень скоро.—

—Не прогнѣвайся, Государь, а позволь слово молвить! Не лучше ли намъ переждать, какъ намъ все угомонится? Теперь въ Москвѣ житье худое: Поляки буянятъ, православные ропчутъ—того и гляди пойдетъ

рѣзня!—Поспой-ка, Бояринъ, поспой!—Сѣрко мой что-то храпитъ, да и твоя лошадь упирается—ужъ не оврагъ ли?«....

Оба путешественника остановились; Алексѣй спрыгнулъ съ лошади, ступилъ нѣсколько шаговъ впередъ и вдругъ остановился, какъ вкопаной.

—Ну, что?—спросилъ другой путешественникъ.

—Охъ, худо, Бояринъ! Мы ѣдемъ цѣликомъ, а вонъ кажется и оврагъ.... Ахъ, батюшки—свѣты! Какая крупь!—Какъ Богъ помиловалъ!—

—Такъ мы заплутались?—

—Вотъ то-то и бѣда!—Ну, Юрій Дмитричъ! что намъ теперь дѣлать?—

—Искать дороги.—

—Да, какъ ее сыщешь, Бояринъ; Смотри, какая мятель—свѣту Божьяго не видно!—

Въ самомъ дѣлѣ вьюга усилилась до такой степени, что въ двухъ ша-

гахъ не возможно было различать предметовъ. Снѣжная равнина, взрываемая порывистымъ вѣтромъ, походила на бурное море; холодъ ежеминутно увеличивался, а вѣтеръ превратился въ совершенный вихрь. Цѣлыя облака пушистаго снѣга крутились въ воздухѣ, и не только ослѣпляли путешественниковъ, но даже мѣшали имъ дышать свободно. Ведя за собою лошадей, которыя на каждомъ шагу оступались и вязнули въ глубокихъ сугробахъ, они прошли версты двѣ, не опыскавъ дороги.

— Я не могу идти далѣе, сказалъ наконецъ попъ изъ путешественниковъ, который, по видимому, былъ господиномъ; онъ бросилъ повода своей лошади, и въ совершенномъ изнеможеніи упалъ на землю.

— Ужъ не прозябъ ли ты, Бояринъ? спросилъ другой испуганнымъ голосомъ.

— Да! Я чувствую, кровь застываетъ въ моихъ жилахъ. Послушай!...

Если я не смогу идти далѣе, то покинь меня здѣсь на волю Божію, и думай только о себѣ.—

—Что ты, что ты, Бояринъ! Богъ съ тобою!—

—Да, мой добрый Алексѣй! Если мнѣ суждено умереть безъ исповѣди, то да будетъ Его святая воля! Ты успалъ менѣе моего и можешь спасти себя. Когда я совсѣмъ выбьюсь изъ силъ, оставь меня одного, и когда Господь поможетъ тебѣ найдти пріютъ, то ступай завтра въ отчину Бояpина Кручины Шалонскаго— она не далеко отсюда, отдай ему....

—Какъ, Юрій Дмитричь! чтобъ я, твой вѣрный слуга, тебя покинулъ? Да на то ли я вскормленъ отцемъ и матерью? Нѣтъ, родимой! если ты не можешь идти, то и я не тронусь съ мѣста!—

—Алексѣй! ты долженъ исполнить послѣднюю мою волю.—

—Нѣтъ, Бояринъ! и не говори объ этомъ! Умирать, такъ умирать обо-

имъ. Но что это?.... Не послышалось ли мнѣ?

Алексѣй снялъ шапку, наклонилъ голову и сталъ прислушиваться съ большимъ вниманіемъ.—Хотябъ на часокъ запихъ этотъ окаянный вѣтеръ! вскричалъ онъ съ нетерпѣніемъ. Мнѣ показалось, что налѣво отъ насъ... Чу, слышешь, Юрій Дмитричь?—

—Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Юрій, приподнимаясь на ноги; кажется, тамъ лаетъ собака....

—И мнѣ то же сдается. Дай-то Господи! Завтра же отслужу молебенъ святому угоднику, Алексѣю.... поставлю фунтовую свѣчу.... Пойду пѣшкомъ поклониться Печерскимъ чудотворцамъ.... Чу, опять! Слышешь?—

—Точно, ты не ошибаешься.—

—А гдѣ лаетъ собака, тамъ и жилье. Ободрись, Бояринъ; Господь не совсѣмъ насъ покинулъ.—

Кого среди ночнаго мрака застава-ла мятель въ открытомъ полѣ; кто

испыталъ на самомъ себѣ весь ужасъ бурной зимней ночи, тотъ пойметъ восторгъ нашихъ путешественниковъ, когда они удостовѣрились, что точно слышатъ лай собаки. Надежда вѣрнаго избавленія оживила сердца ихъ; забывъ всю усталость, они пустились немедленно впередъ. Съ каждымъ шагомъ прибавлялась ихъ надежда; лай становился часъ отъ часу внятнѣе, и хотя буря не уменьшалась; но они не боялись уже сбиться съ своего пути.

—Кажется, не далеко отсюда, сказалъ Юрій; я слышу очень ясно....

—И я слышу, Боярин! отвѣчалъ Алексѣй, приостановясь на минуту: да только этотъ лай мнѣ вовсе не по сердцу.—

—А что такое?—

—Ничего, ничего! Дай-то Богъ, чтобъ тутъ было жильё!—

Они прошли еще нѣсколько шаговъ; вдругъ большая черная собака, съ громкимъ лаемъ, бросилась на

встрѣчу къ Алексѣю, начала къ нему ласкаться, вертѣть хвостомъ, визжать и потомъ съ воемъ побѣжала назадъ. Алексѣй пошолъ за нею; но едва онъ ступилъ нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ вскричалъ съ ужасомъ: —Съ нами крестная сила!—Ну, шакъ!... сердце мое чуяло.... посмотри-ка, Бояринъ!—

Человѣкъ въ сѣромъ армякѣ, подпоясанный пестрымъ кушакомъ, изъ за-кожараго виднѣлась рукоятка широкаго Турецкаго кинжала, лежалъ на снѣгу; длинная винтовка, въ суконномъ чехлѣ, висѣла у него за спиною; а съ правой стороны къ поясу привязана была толстая Козацкая плеть.—Татарская шапка, съ густымъ околышемъ, спала съ его головы, и вѣтеръ развѣвалъ черныя его кудри по воздуху.—Собака легла подлѣ его и, глядя пристально на нашихъ путешественниковъ, начала выть жалобнымъ голосомъ.

—Ахъ, Боже мой! сказалъ Юрій, не-